

— Надо максимально использовать производственную площадь!

КРОКОДИЛ

№ 21 (1635)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

30 ИЮЛЯ 1961

Ю.Ф.

ВОБЛА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. ▲ ХИРУРГИ ТРЕБУЮТ СВЕЖЕГО ВОЗДУХА! ▲ ПАССАЖИР С БИЛЕТОМ № 16622. ▲ УЧИТЕСЬ ПИСАТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ!

Черное на белом

По матушке по Волге,
По всем ее просторам
Плывет рыбка вобла
На теплоходе скором.

Невидная, некрупная,
Под солнцем южным вялена,
На черном рынке куплена
И по каютам свалена.

У штурмана под койкою,
У старшего помощника...
От аромата стойкого
Никто и не поморщился.

*Мелкий
Служага*

Необычный пассажир отличается от обычного главным образом своей необычностью.

Обычный пассажир, после того, как ему постелили на полке белье, достает из левого (правого) кармана один (1) рубль и вручает по назначению.

Необычный пассажир вытаскивает авторучку и вместо целкового дает проводнику расписку:

«Мною, начальником службы движения Сталинской железной дороги Гленбоцкий Г. В., во время командировки в ваг. № 538 использован один комплект постельного белья.

Служебный билет № 16622

Г. Гленбоцкий».

Проводник сравнивает пачечку ассигнаций, полученных от обыкновенных пассажиров, с этой бумажкой, не находил между ними никакого сходства и в том смысле заводит речь. Начальник машет рукой. Значение жеста: «Прекратить разговорчики. Мой автограф дороже денег».

Проводнику хочется думать, что начальствующее лицо забыло дома бумажник. Но тут же он сообщает, что Гленбоцкий едет не один, а в компании с лядью сослуживцами и легко мог бы найти выход.

А по прибытии в Днепропетровскую контору обслуживания пассажиров проводник с легкой краской на лице отбрасывает в сторону расписку начальника, достает из потертого кошелька желтоватый казначейский билет, тщательно разглаживает его и присоединяет к остальной выручке.

Постельный комплект использован. Служебное положение — тоже.

Б. РОМАНОВ

По матушке по Волге
Сквозь ветры и туманы
Везут рыбку воблу
Речные ветераны.

Почет и уважение
Ей оказать стараются.
По мере продвижения
Цена ее вздувается.

Цена спекулятивная,
Торговлишка активная —
Привычная, поштучная,
Для торгашей сподручная.

На матушке на Волге,
На белом теплоходе
Идет торговля воблой
При всем честном народе.

Блещат фуражки белые,
Нашивки золотистые,
Старательно обделаны
Делишки неказистые.

А кто там в белом кителе!
Не капитан ли бдительный!
Он вдаль глядит уверенно,
Прелестявья встречая,
А что на судне вверенном —
Никак не замечает.

И держится упорно
Коммерческое «дело» —
Кусочек рынка черного
На теплоходе белом.

Н. ЧЕРЕПАНОВА

г. Чебоксары.

— Магазин закрыт!

Как-то раз, проходя мимо новой больницы в Усолье-Сибирском, я услышал тревожные голоса:

— Дайте холод! Пропадаем!

— Не удивляйтесь, — сказали мне усольчане. — Это волнуются фармацевты и повара. У них нет холодильников, портятся продукты и медикаменты. Очень возможно, что вы сейчас услышите совсем другое.

И в самом деле, вскоре оттуда уже раздавалось:

— Тепла! Дайте больше тепла! Заглянув в это лечебное учреждение, я обнаружил, что в то время, когда в аптеке и на кухне требовали холода, во всех этажах и корпусах звали о тепле.

Сестры и санитарки с верхних этажей сбегали вниз и требовали:

— Воды! Когда же будет вода? А в эти минуты в подвале раздавался сигнал бедствия:

— Спасайте! Утопаем!

Терапевты, акушеры и педиатры просили:

— Закройте щели! Дует, как в Антарктиде...

Хирурги и рентгенологи, наоборот, умоляли:

— Воздуха! Дайте свежего воздуха!

— Что здесь происходит? — спросил я, увидев главного врача Николая Петровича Степанова.

— Последствия неувязки, — загадочно ответил главврач. — Духота в операционной, щели в полу, в стенах и дверях нового здания... Оказалось, неувязки возникли

НЕУВЯЗКА

уже после того, как здание было построено, акты и рапорты составлены, премиальные получены. Междуведомственная комиссия осматривавшая готовое здание, сделала до пятисот пометок о браке и недочетах.

— Неужели вы думаете, что в это здание можно принимать больных? — спросили они в горисполкоме.

— Надо провентилировать этот вопрос, — ответил председатель горисполкома Григорий Петрович Фролов.

Следствием вентиляции явилось высокое давление. С особой силой его почувствовали те члены комиссии, которые не спешили ставить свою подпись под документом о готовности больницы к открытию.

— Проверьте готовность больницы на самих больных! —скомандовал секретарь горкома Иван Ермилович Макаров.

— Поселяйтесь и вживайтесь! — вдохновляюще воскликнул управляющий трестом «Востоктяжстрой» Леонид Леонтьевич Леженко.

С той поры прошло полгода. Все это время средний и младший персонал мало-помалу осваивает вторые профессии: водопроводчиков, электриков, штукатуров, водовозов. Врачи же пытаются постигнуть строительную технику и дотянуться до уровня десятников и прорабов.

Надо же как-то ликвидировать последствия неувязки!

В. ВОРЫГИН,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Усолье-Сибирское,

Ура или караул?

Начальник четвертого цеха и председатель цехкома Ростовской обувной фабрики нашли необычайно гибкую форму составления характеристики, счастливо сочетающую розовую краску с черной.

Прочтите и убедитесь:

«Характеристика

Тов. Головатенко Владимир Фомич работает на Ростовской обувной фабрике в цехе № 4 с 22 июля 1959 года... К работе относится добросовестно. Производственное задание выполняет на... (Вспыхав авторы забыли дописать такую «мелочь».— А. К.) В общественной жизни участие не принимает. Нарушает трудовую дисциплину, часто является на работу в нетрезвом виде. Имеет разговор, вынесенный решением товарищеского суда от 23/IX—60 г. и в настоящее время дело передано в товарищеский суд также за нарушение трудовой дисциплины.

Нач. цеха № 4,
председатель цехкома.

Подписи неразборчивы, как, впрочем, и сами авторы этой весьма оригинальной характеристики.

А. КАЦЕВ

г. Ростов-на-Дону.

АДМИНИСТРАТОР - ФИЛОСОФ

Товарищ Водопьянова — администратор. Она так и подписывается: «Администратор Водопьянова».

Но не верьте глазам своим! Это штатная аномалия. Должность администратора привлекает Водопьянову тем, что дает возможность заниматься философскими упражнениями. Ее труды уже собраны в отдельные тома. И переплетены. Хотя и носят далеко не философское название: «Книга жалоб и предложений столовой № 2 Воркутинского ОРСа при гостинице «Север».

Очередной посетитель записал очередное пожелание: картофель к рагу резать помельче.

Как поступил бы в подобном случае узкий администратор, холодный управитель? Распорядился бы и проследил, чтоб повара не ленились расквасить картофелины на дольки.

А что предприняла Водопьянова? А вот что. «Картофель надо жевать», — отвечает администратор жалобщнику, — а потом проглатывать, и так вся пища сначала прожевывается, а потом проглатыва-

ется, а нежеванная пища не проглатывается. Администратор Водопьянова».

Группа рабочих выразила недовольство низким качеством блюд и, в частности, пожаловалась: плохо, мол, очищают картофель.

Получив новый толчок, философская мысль Водопьяновой заработала с неотвратимостью мясорубки.

«Плохая пища у нас не готовится, т. к. такая пища запрещена готовить. Об этом хорошо знают повара, что касается, что попала одна картофелина с пятном, то это не говорит о том, что пища не вкусная».

Давайте, товарищи, приподнимемся над личными невзгодами. Философически отнесемся к превратностям судеб, товарищи! Это верно, что в столовой № 2 по-прежнему кормят плохо очищенным и скверно нарезанным картофелем. Зато вопрос поднят на теоретическую высоту, зато философия с помощью администратора Водопьяновой обогащается новыми постулатами. Радоваться этому надо, а не печалиться!

А. Э.

Овсюг

Роман Романыч любит шум.
Пообещал он гордо:
— По молоку, бам-бам!

Бум-бум!

Клянусь,
Добыюсь
Рекорда!
Превышу план
На много тонн!
А у буренок свой закон.
— Ты дай корма вначале! —
Буренки отвечали.
Кормов он горы обещал —
Дал горстки да щепотки.
Итог: по молоку колхоз застрял
В конце районной сводки.

Увяз
В хвосте районной сводки.

Роман Романыч вечером
Идет-бредет усталый.
А качка жуткая кругом,
Как на море, пожалуй,
Он к бригадире заглянул —
Дать за прогулы трепку.
Тот моментально подан стул
И сразу налил стопку.
Ругать механика зашел
За слабость дисциплины.
А тот: садись, Роман, за стол,
У Маши именины!..
Кругом качаются дома,
Заборы и ворота.
Роман Романыч зол весьма:

Роман Романыч учит всех
Культуре и порядку:
Чтоб образцовым был успех,
Готовь зимою жатку!
Но у него, когда пахать,
Начнет вся техника чихать!
Когда горячее везти,
Никак мотор не завести.
То вспомнит:
Гайки нет простой,
Полдня у трактора простой!
И начинается аврал,
Порядок сорван четкий!..
Глядишь, горлан опять застрял
В конце районной сводки.

Роман Романыч — не с Луны.
Запомнил он железно,
Что сорняки вредным-вредны,
А техника полезна,
Что с «королевою полей»
Дружить хозяйству надо,
Корма сильней — успех верней,
Тучнее будет стадо!..
Он кукурузник на словах,
А побывайте на полях:
«Квадраты» кругловаты,
А гнезда тесноваты.
Куда глядел хозяйский глаз,
Кругом недоработки!..
Любитель громких фраз

Не ладится работа!
Когда-то шел он впереди,
Потом он был в середке.
Ну, а теперь... Хоть не гляди:
В конце районной сводки!

Овсяг! Он весь тут напоказ!
Мораль нужна едва ли,
И без того десятки раз
Ему мораль читали!

Владимир ИВАНОВ

г. Ленинград.

ЧТО ТАКОЕ «УРОВЕНЬ БЫТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ»? ▲
«ЕСЛИ ТЕБЕ НУЖНЫ ГВОЗДИ...» ▲ КАРТОФЕЛЬ НАДО
ЖЕВАТЬ! ▲ ПОЗНАКОМЬТЕСЬ — РОМАН РОМАНЫЧ!

— Очень хорошо!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

С отеческой нежностью

— Ох, и шутник этот Каплин! — не то возмущались, не то восхищались руководители кузнечного цеха Новочеркасского завода имени Никольского. — Вечно что-нибудь да выкинет! Вчера выпивши по столовой за посетителями с вилкой гонялся, кричал: «Я из вас шницелей понаделаю!» Как с ним быть?

— Надо бы его того... К общественной работе привлечь... Раз такую активность проявляет...

Срочно созванное цеховое собрание, слегка пожурив провинившегося, постановило:

1. Взять тов. Каплина И. Н. на поруки и просить суд оставить его в коллективе цеха.

2. Обязать тов. Каплина вступить в дружину по борьбе с хулиганством.

3. Ввести тов. Каплина в состав редколлегии стенной газеты цеха». Теперь, видимо, Каплин будет делиться опытом «выделывания шницелей» со страниц печати.

А вот в восьмом стройуправлении треста «Главгаз» рассудили иначе. Здесь как только узнали, что слесарь Стороженко попался при попытке стащить дамскую сумочку, быстренько состряпали протокол, из коего следовало, что Стороженко «недостойно вел себя в быту» (?). А в заключение написали: «Взять под контроль тов. Стороженко и довести его уровень бытового поведения до уровня производственного».

Стороженко раньше уже трижды был судим за хулиганство и грабежи. До какого еще уровня собираются его доводить — до уровня солонья-разбойника, что ли?

г. Новочеркасск.

Ю. ФРОЛОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Дорогой Крокодил!

Если тебе нужны гвозди, ступай в нашу булочную, купи то, что здесь называют хлебом, и извлеки их из этого предмета. Сам же предмет можно использовать вместо молотка.

Впрочем, часто выпекается у нас и хлеб, напоминающий клей или пластилин, в качестве чего он широко используется. Но, мало то-

го, этот универсальный материал мы еще и едим! Не все, правда. Председатель райпотребсоюза тов. Окишев его не покушает и не ест. А жаль!

Н. ЗАЛЕШИН,
П. КУЗНЕЦОВ

г. Оханск, Пермской обл.

Е СЛИ вдуматься глубоко в психологические особенности человеческой природы, нельзя не признать, что фельетонисты — тоже люди. И ничто человеческое им не чуждо. Не могут они только изобличать, припосаждать к позорному столбу и выжигать каленым железом.

Иногда под влиянием увиденного и услышанного их обуревают желание тихо посидеть и поразмышлять на лирические и даже (страшно выговорить!) на философские темы. И тут бывает не до смеха. Жизнь, она ведь сложная штука.

История, о которой автор поведал читателям, навеяна несколькими истинными событиями, которые, хоть и произошли в разных местах, были схожи меж собой и привели к единому, надо честно признать, невеселому концу. Так что, обобщив эти факты воедино, автор погрешил против точности, но против истины не погрешил.

...Наташа окончила педагогический институт в Москве и была направлена на работу в небольшое местечко — назовем его Курашево — одной из областей Российской Федерации.

Она приехала туда в середине августа. Стояли жаркие дни. В обмелевшей речушке возились ребята. Куры купались в пыли, поднимая легкие облачка. Перед клубом на круглой клумбе рдели цветы.

Школа в Курашеве была большая, хорошо оборудованная. Рядом со школой — молодой сад. Коллектив педагогов — шестнадцать человек — готовился к началу учебного года. Директор Василий Васильевич тут же отвел Наташе комнату в маленьком домике напротив школы, в которой жила и прежняя преподавательница немецкого языка.

Наташа начала налаживать быт. На топчанине уместился тюфяк, накрытый пестрой тканью. Подушку она привезла с собой. Керосинку ей дала хозяйка. Маленький столик в углу получил назначение туалетного, поскольку на нем очутились круглое зеркало, духи, грелка и бледно-розовый крем «Утро», которым почему-то рекомендуются смазывать руки вечером. На подоконнике разместились книги: полки пока еще не было. Платя — на вешалочке, задержанной простыней. И, наконец, из чемодана были извлечены и повешены на стене маленькая репродукция — пейзаж Сарьяна — и портрет одного советского киноактера, при беглом взгляде на который становилось ясно, что красота — это страшная сила.

Итак, жильё устроено, быт налажен, и можно приступать к своим новым, трудным, но благородным обязанностям.

Два дня Наташа «входила в работу». Знакомилась с новыми друзьями. В который раз проверяла конспекты и планы предстоящих уроков.

На третий день Василий Васильевич сказал ей мягко, но с большой убежденностью: — Вы бы, Наталья Петровна, эти свои туфли-босоножки сменили. А то у нас тут таких не носят. Все-таки учительница. Люди смотрят.

Наташа удивилась, но спорить с директором не стала. На другой день она пришла в черных туфлях на каблучке, хотя в них было жарко и неудобно. Но босоножки, принесенные в жертву, не исчерпали требований курашевских аборигенов.

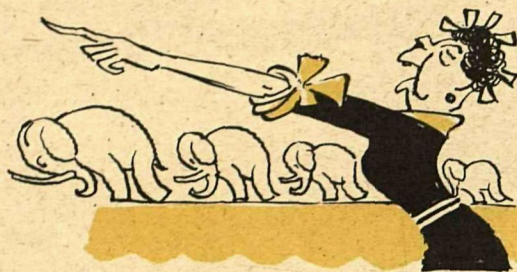
— Что это у вас за юбка такая пышная? — спросила ее завуч Ольга Константиновна с ноткой раздражения в голосе. — Поскромней бы надо одеваться.

— И прическу смени! — прибавила историчка Зинаида Львовна. — Это вам не Москва!

Последняя фраза была сказана так, что не оставалось никакого сомнения, что Москва — это центр безвкусицы.

Наташа обиделась и расстроилась. Юбка была ничем не примечательна, разве только немного пошире обыкновенной, поскольку Наташа была худенькой, а это навивное ухищрение всех портних мира скрадывает недостаток полноты. Прическа тоже не из тех, которые остряки окрестили меткими кличками «Я у мамы дурочка»

БЕЛАЯ

ВОРОНА

или «Приходи ко мне в пещеру». Правда, она отличалась от установившегося в Курашеве стандарта — короткой стрижки с мелким перманентом, который местные модницы считали эталоном скромного изящества и элегантно-простоты.

Почему она должна была отказаться от привычных ей вещей и внешнего вида наперекор своим вкусам? Однако, когда на другой день она снова пришла в том же виде, директор сказал ей строго:

— Что же это вы не прилушиваетесь, когда вам старшие товарищи говорят? Тут уж и местное население обращает внимание на вас. Нехорошо!

— Что нехорошо? — вызывающе спросила Наташа. — И какое дело местному населению до того, какая на мне юбка!

— Как так «какое дело»? Это же родители. С ними надо считаться.

— Но я же им не указываю, какие юбки носить. У них свои вкусы, а у меня свои. Их мнение для меня не обязательно.

— Вы не умничайте! — сказал Василий Васильевич. — Авторитет надо заслужить. Вы тут новый работник. А эти всякие ваши вкусы оставьте при себе. И юбки. И прически. Вот поедете в отпуск в Москву, тогда пожалуйте... А тут не принято.

С этого дня отношения между новой преподавательницей и школьным коллективом стали натянутыми. Робкую, но тайную поддержку ей оказывала лишь молодая учительница, преподававшая русский язык и литературу. Остальные выражали неприкрытое недовольство «столичной модницей». Наташа демонстративно не уступала.

Расхождение во вкусах обнаружилось не только в вопросах внешности. Зинаида Львовна не нравилось убранство личных апартаментов Наташи. Накладка на тахте неприлично пестрая. Сарьян тоже вызвал решительное осуждение: она привыкла к строгой перспективе в живописи. Что же касается бледно-розового крема «Утро» и жгучего брюнета из «Мосфильма», то они, по ее мнению, ставили Наташу просто вне рядов деятелей народного просвещения.

Лично у нее дома никаких портретов киноактеров не было, стену украшала вышитая болгарским крестом кошка, грациозно резвившаяся с клубком ниток. А у преподавательницы географии на полочке стояли шкатулка, оклеенная ракушками, и семь слоников мал-мала меньше, что, как известно, не только ласкает глаз, но еще и гарантирует счастье в жизни.

Но Наташа не хотела менять Сарьяна на слоников и отстаивала свои позиции с непримиримостью и темпераментом, свойственными молодости.

— Вы понимаете, — с плохо скрытым раздражением говорил Василий Васильевич, — она только приехала и сразу же идет наперекор всем! Как к педагогу я к ней претензий не имею. Предмет знает. А во всем остальном? У нас тут учительницы по пятнадцатилетнему стажу, а она с их мнением считаться не желает. Что же им, с девчонки пример брать, что ли? И потом население все-таки обращает внимание. Она у нас тут, как белая ворона...

Конфликт перерастал свою первоначальную стадию. Курашевские старожилы подняли его на принципиальную высоту. Теперь уже в любом споре Наташу обвиняли в идейной ущербности. Если ей нравился фильм, то, по мнению Зинаиды Львовны, только потому, что он заграничный. Если концерт приехавшей из области бригады вызывал критику со стороны Наташи, то это получало отпор в виде язвительной сентенции:

— Вам все не нравится!

Они были непримиримы. Василий Васильевич обращался в отдел народного образования с просьбой освободить Наташу от работы, так как она создает «нездоровую атмосферу». Наташа писала письма в область, умоляя отозвать ее из Курашева, где жизнь и работа стали для нее тяжким бременем.

Весной конфликт разрешился. Наташа, закончив учебный год, подала заявление об уходе. Василий Васильевич наложил резолюцию «Не возражаю». И она ушла. Вот и вся история.

Кто оказался победителем в ней и кто потерпел поражение? Победителей нет. Урон потерпели все. Курашевская школа лишилась способного педагога. Наташа уехала с неизгладимой травмой, поразившей ее на первых же порах трудовой жизни. Победили косность и неуважение к чужому мнению, взглядам, вкусам.

Чеховский Беликов, «человек в футляре», был убежден, что женщинам непристойно ездить на велосипеде. Он отстаивал свои взгляды с воинственным упорством. Курашевские интеллигенты восстали против сандалет и непристойной прически. Они воевали с ними, проявив энтузиазм, достойный лучшего применения. Где же истоки такой эстетической ярости?

Возмущенные клоуновскими выходками чучелообразных «стиляг», иные люди приобрели склонность к отрицанию всего, что не совпадает с их личными вкусами. Для большей убедительности они готовы подвести под любой необычный рисунок обоев или фасон платья идеологическую базу. Так родился миф о чуждых нашей морали прическах и о воплоте благонамеренных брюках — от тридцати шести сантиметров вглубь и шире.

Эти люди ставят знак равенства между гладкой, портативной мебелью, лишенной вырезанных виноградных листьев, какими украшали буфеты для услады наших бабшек, и танцами «бути-вуги» и «рок-н-ролл», считая это явлениями одного ряда. Все новое в области эстетики быта: ткани, мебель, платье, художественные изделия, — созданное нашими советскими художниками, они склонны приобщить к образцам гнилой буржуазной культуры. Им никак не понять простой истины, что не костюм и прическа определяют истинную ценность и внутренний мир человека.

Есть вещи красивые и некрасивые. Взгляды на это у разных людей различны. И если внешний вид человека, вещи, которыми он пользуется в быту, предметы украшения, которые ему милы, не являются оскорбительными для окружающих и не нарушают естественных норм морали, незачем расценивать его понятия и вкусы как пощечину общественному мнению.

Если бы педагоги Курашевской школы во главе с непримиримым директором подумали об этом, нам не пришлось бы писать этот фельетон, в котором вопреки традициям жанра нет ничего ни веселого, ни смешного.

Нелепо и неумно было так легко расстаться с молодой учительницей. Уж лучше бы отказались от слоников, ибо, как точно установлено современной наукой, счастье не в них. А впрочем, мы не хотим навязывать своих вкусов. Пусть слоники стоят на полочке. Лишь бы дети получали пятерки. Это куда важнее.

Бор. ЮДИН

— Каранул, браконьеры!

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

Учреждение «Бумажка» переселялось в новое помещение. Переправили уже почти все. В том числе и телефоны.

В старом помещении оставались только сотрудники. Все страстные любители телефонных разговоров. Совсем недавно на столах Пипеле, Цибеле, Тутеле и Пимпутиса было по телефону. Начальника окружали целых семь аппаратов. Так и жонглировали они трубками с девяти утра до пяти вечера. Поэтому правые руки сотрудников «Бумажки» были натруженные и мозолистые, а левые — тонкие и изящные. Лишь обе руки начальника имели гармонично развитые мускулы. Он работал и правой и левой.

Первым заметил отсутствие телефона Пипеле. Он долго ощупывал своей спортивной правой образовавшуюся пустоту. Машинально раскрыл книгу абонентов. Книга была, номера были, трубки не было.

— Что же теперь будет? — вздохнул Пипеле.

Страдали и остальные. Руки начальника, истомившись от безделья, нервно летали по столу, как по клавишам пианино.

Тутеле твердил: — Звонят. Слышу, как звонят. — Это мне, — грустно сказал Пимпутис. Ни о какой работе в учреждении не могло быть и речи.

К середине дня мучения сотрудников «Бумажки» достигли предела. Началось непривычное жжение правого уха. Тутеле

нашел выход: он время от времени прикладывал к уху пепельницу. Ухо остывало. Примеру Тутеле последовали другие.

— Погибаю! — вдруг подскочил Цибеле. — Мне надо сообщить бухгалтеру «Скрепки» важные сведения. Что делать?

«Скрепка» находилась на противоположной стороне улицы. Оттуда слышалось ритмическое постукивание костяшек на счетах.

— Так что же делать? — повторял Цибеле.

К сожалению, ни Пимпутис, ни Тутеле, ни сам начальник не могли ему помочь. Их волновал тот же вопрос.

Спас всех Тутеле. — Автомат! — воскликнул он. Это прозвучало, как архимедово «Эврика!».

Сотрудники «Бумажки» повскакали с мест. Как они могли забыть! Автомат же рядом, за углом!

Тутеле помчался первым. За ним понеслись остальные. Прижав к себе трубку, Тутеле чуть не расплакался, он был похож на отца, нашедшего своего ребенка...

Работа закипела. Принесли книгу абонентов. Каждый свою. Принесли стул, карандаши, чернильницы, пресс-папье. Пимпутис сбегал в газетный киоск и разменял мелочь. Звонили строго по очереди.

В учреждении «Бумажка» снова забила полнокровная жизнь.

Перевела с литовского
Ел. КАНТОР.

Сто да двести

Он пришел сюда туристом
К этой речке, в этот лес.
Он разбил палатку быстро,
А потом в кусты залез.
Ни ребята, ни девчата —
Не найдет его никто.
Он пол-литра распечатал,
Выпил грамм примерно сто.

И улегся, спину грея,
За ракитовым кустом.
А потом еще
Скорее
Выпил двести.
А потом...

Перестал от этой дозы
Все на свете понимать:
Он забрался на березу
И давай ее ломать.

Парню море по колено.
Вот к костру он подскакал
И горящее полено
В муравейник затолкал.
Он обжег плечо
И с ходу
Прямо в кедах — ну и ну! —
Сиганул с обрыва в воду,
Захлебнулся — и:
«Тону-у-у!»

..Сто да двести — вышло
триста,
Получился шум и гам,
А из бывшего туриста —
Настоящий хулиган.

Ник. СТАРШИНОВ

НОЧНОЙ КРИК

В Тульском городском отделе милиции зазвонил телефон. И как только была поднята трубка, из нее донесся тревожный сигнал бедствия:

— Милиция!.. Милиция!..

По всему было видно, что случилось какое-то чрезвычайное, из ряда вон выходящее происшествие. Дежурный торопливо приложил трубку к уху, но, видимо, не смог вынести истошного крика потерпевшего, отвел трубку в сторону. И тут мы стали свидетелями двустороннего разговора.

— Милиция!.. Товарищ милиция! — дребезжала трубка. — Скорей помогите! Немедленно присылайте наряд милиционеров! Срочно!.. Ах, вы спрашиваете, куда прислать наряд? К нам, к нам, в Механический институт. Пожалуйста!.. Что у нас случилось? Понимаете, тут идет вечер молодежи. Какие-то хулиганы тоже рвутся к нам на вечер. Мешают, безобразничают...

— Да неужели вы сами с ними не справитесь? — изумился дежурный.

— Они пьяные... Ой, скорей присылайте!

...Справедливости ради надо сказать, что с одним хулиганом в институте все-таки сладили. Сами. Без милиции. И даже связали его.

Говорят, что тогда же кто-то внес предложение, чтоб в ознаменование этой победы учредить мемориальную доску и повесить ее на фасаде института. Дескать, пусть потомки читают написанные золотом слова и знают, как пятъсот их предков самоотверженно, не щадя животов своих, связали одного подвыпившего буяна.

ПРИ ВСЕМ ЧЕСТНОМ НАРОДЕ...

По вечерам на улице Коммунаров в Туле трудно бывает протолкнуться. Кажется, вся молодежь высыпала на эту главную магистраль города. И тут же, среди гуляющей молодежи, иногда в одиночку, иногда небольшими табунами появляются те, кто до смерти напугал организаторов вечера в Механическом институте. Чаще всего эти люди под хмельком. Изредка попадают и трезвые. И почти каждый из них старается публично заявить о своем существовании. Делается это по-разному. Одни вопреки желаниям прохожих пытаются завязать с ними знакомство. Другие упражняются в изящной словесности. Третьи меряются силой. Четвертые делают и то, и другое, и третье.

Местный тульский хулиган никак не похож на того стандартного хулигана, который изображается иногда художниками, — в полосатой тельняшке, с пудовыми кулаками и со щетинистой физиономией. Нет, здешние хулиганы имеют вполне respectable вид.

Нередко можно наблюдать такую картину: на перекрестке двух людных улиц перед группой друзей стоит представительный парень. На нем пальто цвета морской волны, брюки разглажены с такой старательностью, что об их складки, кажется, можно порезать палец. И весь он, от модной прически и до каблучков, какой-то собранный, привлекательный — словом, красавец, да и только!

Красавчик что-то рассказывает приятелям. При этом умудряется в каждые десять слов вставить семь-восемь бранных. Эти слова произносятся не шепотом, не с оглядкой, а полным голосом здорового человека. А когда ему делают замечание (на что не так уж многие отваживаются), он с достоинством воспитанного человека отвечает:

— Заткнитесь!..

Вечерние клиенты городской милиции, как правило, очень «культурные» люди. Они хорошо разбираются в законах, говорят о своих конституционных правах, требуют вежливого обращения.

Вот милиционер привел молодого, прилично одетого человека. Этот молодой человек стоял на людной улице и совал в

лица прохожих горящую папиросу. А когда прохожие попытались напомнить ему о кое-каких азбучных истинах и нормах поведения, он полез драться.

— Какое вы имели право хватать меня за руки? — напустился он теперь на милиционера. — Вы не имели права!

Юрий Кочетков (так звали этого любящего хорошее к себе отношение молодого хулигана) назвал себя еще комсомольцем. Даже дружинником по поддержанию общественного порядка.

Видавший виды дежурный от изумления раскрыл рот.

БОРЬБА С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ

Нельзя сказать, что с нарушителями общественного порядка в Туле не ведется борьба.

Руководители торговых организаций города, например, повели решительное наступление на бражников. В ресторане отпускают только по сто граммов водки на каждую пьющую единицу. В закусочной, что на улице Коммунаров, продают только томатный сок.

В кафе и столовых спиртной запах витает лишь в воздухе.

Правда, очень туго приходится обслуживающему персоналу этих столовых и закусочных. Со столов приходится убирать много всякой стеклотары. Но там работают люди покладистые и на перегрузку не жалуются.

— Уж таковы наши обязанности, — без всякой досады говорят они, собирая оставленную посетителями водочную посуду. — На то мы и поставлены, чтоб чистоту блюсти.

В иных местах вытрезители закрывают за ненадобностью, а в Туле назрела острая необходимость расширить это заведение.

Почти о каждом нарушителе общественного порядка милиция сообщает руководителям организаций, где работает или учится нарушитель. Говорят, эта мера изредка помогает. А чаще всего руководители организаций даже не сообщают милиции о принятых к нарушителям мерах.

Горком комсомола решил вывешивать малоприятные лики хулиганов на людной улице города. Смотри, мол, на них и отплевывайся.

Но с этим мероприятием получился небольшой казус. Хулиганам стало противно смотреть на самих себя, они взяли и повалили витрину с карикатурами. Горкомовцы подняли ее, а хулиганы опять повалили.

НА ПРИВАЛЕ

В Туле целая армия замечательной молодежи и не так уж много хулиганов. Сведущие люди говорят, что один хулиган приходится примерно на тысячу человек молодого населения города. Это же совсем мизерное число.

И тем не менее эта мизерная кучка смердит, портит настроение, отравляет жизнь порядочным советским людям.

— Все, кажется, взял, только косу забыл!

Тысяча не решается унять одного.

— Хорошо бы осудить двух-трех хулиганов, — с сожалением говорят в милиции, — да прокуратура за это дело не возьмется. Скажет воспитывать надо!

И вот отпетого хулигана начинают воспитывать. Там, где надо бы власть употребить, начинают читать мораль, совестить. И когда воспитателям начинает казаться, что дело идет на лад, воспитанник опять попадает в милицию.

Один хулиган, Зайчиков его фамилия, так и заявил задержавшим его работникам милиции:

— Слушайте, мне надоели все эти ваши задержания! Придумайте что-нибудь более оригинальное!

Неоценимую помощь милиции мог бы оказать горком комсомола. Но он со своей сорокатысячной армией комсомольцев и комсомолок расположился на длительный привал. Его боевое охранение — дружины, не чувствуя за собой толкового и строгого контроля, не всегда вступают в единоборство с нарушителями. Они не стали грозой для хулиганов. На том же людном перекрестке пришлось наблюдать такую картину: группа хулиганов сквернословила, приставала к прохожим, заняв собой добрую часть тротуара. Мимо проходил комсомольский патруль. Дружинники с повязками на рукавах обошли хулиганов стороной. Наблюдая эту картину, невольно приходишь к выводу: робкие люди ведают общественным порядком в Туле.

И. КОСТЮКОВ,

специальный корреспондент Крокодила

8.Тула.

ТЕОРИЯ без пуговиц

В Новосибирском совнархозе бродят по коридору две теории.

Одна называется «теорией пришитой пуговицы», другая — «беспуговичной теорией». Есть приверженцы той и другой.

«Пуговицы» — это, конечно, в иносказательном смысле. Ни один заказчик не примет новый костюм без пуговиц. Отсюда и проистекает «теория пришитой пуговицы». Приверженцы этой теории существенного влияния на жизнь совнархоза не оказывают, и мы их оставим в покое.

Поведем разговор о рыцарях «беспуговичной теории». Их много! Давайте выберем пока одного — Бориса Ивановича Ивановского.

Бориса Ивановича часто назначают председателем государственной комиссии по приему сдающихся в эксплуатацию промышленных объектов. Не случайно назначают, а по положению: Б. И. Ивановский занимает пост главного инженера отдела капитального строительства Новосибирского совнархоза. Ему, как говорится, и карты в руки — принимай готовые объекты.

И он принимает. Привозит членов комиссии. Ходит, смотрит.

— Неделок-то тьма-тьмушая! — обычно сетует заказчик.

— А ты хочешь, чтобы была пришита последняя пуговица? — с тонкой иронией спрашивает Борис Иванович.

Заказчик сразу тушует: ему не хочется прослыть консерватором. Они в совнархозе не в моде. Поэтому заказчик говорит:

— Да нет, я тоже думаю, что пуговицы — дело десятое. Их всегда пришить можно.

Дело сразу идет на лад.

На Матвеевском комбинате строительных материалов Борис Иванович принимал первую очередь завода силикатных изделий. Но строительное управление № 5 треста № 145, которое возводило объект, оставило около полутора десятков больших и мелких недоделок. Если бы государственную комиссию возглавлял приверженец «теории пришитой пуговицы», он объекта не принял бы. Но Борис Иванович принял.

По недоделкам он составил протоколы согласований между заказчиком и исполнителем. Составил один протокол, другой... десятый. Установил сроки устранения недоделок. И государственная комиссия приняла объект в эксплуатацию.

Председатель Новосибирского совнархоза Валентин Трофимович Забалуев тоже придерживается «беспуговичной теории». Об этом говорят его подписи на актах, которые составляет Борис Иванович.

На акте о первой очереди завода силикатных изделий В. Т. Забалуев расписался 31 декабря 1960 года.

Недоделки здесь не устранены и по сей день.

На акте первой очереди комбината крупных панелей В. Т. Забалуев расписался 31 декабря 1960 года.

После его утверждения почти три месяца устранялись недоделки.

Но оба объекта считаются введенными в эксплуатацию в прошлом году.

Давайте перенесем Бориса Ивановича в ателье мод. Ему сшили новый костюм. Закройщик примеривает и, похлопывая заказчика по плечу, благодушно говорит:

— Ничего, будете носить. Брюки подержите руками: они без пуговиц. К костюму требуется шесть пуговиц. Пришьете дома, а пока носите так...

— Как это так?! — возмущается Борис Иванович. — Вы хотите всучить мне брак.

Это его, личное! Тут он консерватор.

И такой консерватизм надо приветствовать и поощрять.

Но почему же когда дело касается приемки промышленных объектов, то этот добротный консерватизм улетучивается, как дым?

Нет, Борис Иванович и Валентин Трофимович, можете считать нас отсталыми людьми, а мы все-таки стоим на своем: костюм можно считать готовым только тогда, когда к нему пришита последняя пуговица.

М. БУРЕНКОВ

г. Новосибирск.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Кадровая кадрили

ЭРЛЗ КОРТ

От специальных корреспондентов

7 июля из Москвы в Лондон вылетел английский реактивный лайнер «Комета-4». В своем чреве «Комета» уносила двух корреспондентов Крокодила. Не скроем, что они, то есть мы, чуть-чуть волновались. Что-то ждет нас на туманных Британских островах? К счастью, стюардесса снабдила нас газетой «Дейли ммиррор», и там мы нашли гороскоп — предсказание судьбы по звездам. Гороскоп нас успокоил. Выяснилось, что один из авторов родился под созвездием Рыб, и прогноз его судьбы на 7 июля выглядел так: «Исключительно удачный день. Вероятны многочисленные соглашения».

Первая фраза звучала мило и обнадеживающе. Но вторая... На какие такие соглашения намекали Рыбы?

Все выяснилось через три часа сорок минут, когда мы приземлились в Лондоне. 7 июля оказалось весьма удачным днем в истории англо-советских отношений. В этот день в залах Эрлз корта открылась советская промышленная выставка. И в самом деле, в первые же часы работы выставки были заключены многочисленные торговые соглашения: о продаже наших игрушек, якутских алмазов, стеклянной посуды, кинофильма «Серезжа» и т. д. Вот и не верь после этого гороскопам!

Никогда еще Эрлз корт не видел такого нашествия зрителей. Турникеты у входа щелкали, как кастаньеты. Тысячи англичан стремились побольше узнать об удивительной земле строителей социализма и первооткрывателей космоса.

В книгах отзывов появились первые записи. Восторженные: «Русские — чудесный народ, и выставка очень хороша».

«Очень хорошо, я думаю. Американский солдат». (Это было написано по-русски.)

Лирические (тоже по-русски, но латинскими буквами): «Ya lublu Yuri Gagarin».

Встревоженные: «И все это из страны, которой только сорок четыре года. Англия, Христа ради, проснись!»

Мемориальные: «Килрой был здесь».

Мы от души порадовались и тому, что наша выставка так нравится англичанам, и тому, что она заставила задуматься американского солдата, и даже тому, что на ней побывал немногочисленный Килрой.

Что же касается девушки, которая письменно призналась в любви к Гагарину, то ни у кого, наверное, еще не было столько соперниц, как у нее. До сих пор мы слышали о знаменитой британской сдержанности в проявлении чувств. Гагарин изменил британский характер. Англичане дали волю своим чувствам. Советский космонавт ехал по Англии сквозь лес приветственно машущих рук и бурю восторженных криков.

— Знаете ли вы этого джентльмена? — спросил я стайку первоклассников, протягивая им открытку с портретом космонавта. Разговор происходил во время осмотра древнего замка. Старинные мечи и рыцарские доспехи были мгновенно забыты.

— Гагарин! Гагарин! — зазвенели под мрачными каменными сводами возбужденные ребячьего голоса.

Монахини, нагруженные проспектами советской выставки, надолго задержались в зале Космоса. Вероятно, решали трудный вопрос — можно ли одновременно верить в бога и в Гагарина.

А вот растрепанного проповедника, которого мы встретили в Гайд-парке, подвиг Гагарина несколько не удивил и не восхитил. Он горячо убеждал своих слушателей в том, что первым космонавтом был вовсе не этот русский, а господь бог...

В Англии множество музеев и картинных галерей. Произведения величайших мастеров кисти собраны, например, в галерее Глазго. Но, видимо, не желая быть обвиненными в «отсталости», печетители галереи отдали один зал абстракционистам. Именно в этом зале мы повстречались с тремя девушками — весовщицами с рыбного рынка. Они так и этак нахло-

няли головы, приседали, смотрели на картины через плечо. Мы спросили:

— Что вы делаете?

— Ищем правильную точку зрения на эти картины.

— Не найдете, — сказали мы.

Девушки согласились и вместе с нами пошли смотреть Рубенса.

К сожалению, в Лондонскую национальную галерею мы пришли к самому закрытию. На Трафальгар-сквер, где расположена галерея, нас задержало поразительное зрелище. У памятника адмиралу Нельсону возлегал четыре здоровенных чугуновых льва. Кто-то вмонтировал в пасть львам по паре радиорупоров. Львы исходили хриплым криком. Мы прислушались. Чугунные представители семейства кошачьих несли несусветную чушь. Они орала, что африканцы угрожают захватить Англию и истребить белую расу. Через секунду мы поняли, что чугуновые звери тут ни при чем. Голос принадлежал выступавшему у микрофона руководителю фашистской группы, именующей себя «британской национальной партией». От льва до льва тянулся плакат: «Сохраним Британию белой». Эмблема партии здорово смахивала на слегка замаскированную свастику.

— Война с Гитлером была трагической ошибкой! — продолжал вопить оратор. — На Черчилля повлияли евреи...

Кучка сторонников английского фюрера жиденько зааплодировала. Тут же у трибуны спокойно прохаживались около десятка бобби — лондонских полицейских. «Стражи демократии» зорко следили за тем, чтобы никто не помешал фашистам митинговать...

Англичане любят и ценят хорошую музыку. Но, к сожалению, кроме отличных оркестров и талантливых солистов, нам довелось увидеть и услышать таких музыкантов, о которых

Т, АНГЛИЯ...

Корреспондентов Крокодила

нельзя вспомнить без душевной боли. По Оксфорд-стрит — улице богатых магазинов, — шаркая ногами, бредет оркестр из шести стариков. Звучит веселенький мотивчик. Затем пауза, и другая музыка — звяканье скудных пенсов, брошенных прохожими в кружку для подая-

ний. На барабане и на кружке одинаковая надпись — «Счастливые бродяги». Бродяги — это понятно. Но при чем же тут счастье?

Давно, очень давно покинуло счастье и этого скрипача. У его ног надпись: «Мне восемьдесят два года». К грифу скрипки привязан холщовый мешочек для милостыни. Старик монотонно водит смычком по одной струне, но в его исполнении больше драматизма, чем у прославленного виртуоза.

Печальна музыка уличной нищеты...

Лейбориста — члена парламента Эмриса Хьюза шутливо называют представителем Роберта Бернса. Избиратели Хьюза — это жители округа, где родился и творил великий шотландский поэт.

Увидев нас у домика-музея Бернса, Эмрис Хьюз весело воскликнул:

— Здесь бывало много гостей, но впервые к нам пожаловал Крокодил!

— Мы свои, — ответили крокодилы. — Если хотите, мы назовем наш пароль.

И мы хором начали декламировать:

При всем при том,
При всем при том...

Эмрис Хьюз тут же подхватил по-русски столь близкие ему строки Бернса. Концовку мы декламировали втроем:

Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья.

Так С. Я. Маршак помог английскому парламентарии и корреспондентам Крокодила найти общий язык — язык Роберта Бернса.

**М. ВИЛЕНСКИЙ,
Е. ШУКАЕВ**

Лондон. Июль.

ПО БОННСКИМ НОТАМ

Последнее время в вашингтонском гастрольно-концертном объединении «Колд вор» («Холодная война») царит необычайный ажиотаж. Причиной тому мирные советские предложения по германскому вопросу.

На подмостки выпущена джаз-банда «Спа-си Бонн». Этот ансамбль специализировался на рок-н-роллах типа «В бой за наш американский Западный Берлин!». Американская печать всячески раздувает сомнительный творческий успех джаз-банды, пытаясь выдать ее за новейшее достижение западной культуры.

Следует отметить, что большинство солистов «Спа-си Бонн» не имеет голоса, точнее, решающего голоса в вопросах международной политики. Но они стараются заглушить адским грохотом военных барабанов и истерическим визгом трезвые голоса американского общественного мнения.

По словам некоторых музыкальных обозревателей, наибольшим успехом у дельцов Уолл-стрита и генералов Пентагона пользуется песенка руководителя объединенной группы начальников штабов Лемнитцера: «О майн либер Конрад, я хочу склонить на твое плечо свою атомную боеголовку...». Лемнитцер исполняет ее под бешеный аккомпанемент на барабане атомными палочками-выручалочками. Время от времени он испускает фальшивые ноты: «Коммунистическая агрессия в Западном Берлине... Ускорим призыв в армию... Продемонстрируем намерение Соединенных Штатов использовать атомное оружие... Возобновим атомные испытания».

По замыслу руководителей джаз-банды, публика, захваченная бравурной музыкой герра Франца Йозефа Штрауса, должна сама броситься в смертельный атомный танец... Но номер проходит при неприязненном молчании аудитории.

Не удастся воспламенить аудиторию и другому заслуженному солисту джаз-банды — мистеру Уильяму Рандольфу Херсту-младшему, хотя он с жаром уговаривает зрителей «не сидеть сложа руки»...

Набивший руку на балаганских выступлениях, конференсье Дик Никсон утомляет зрителей своими базарными шуточками. К счастью, он не поет: потеряв голос на выборах, когда американский народ отверг его кандидатуру в президенты, Дик перешел на разговорный жанр. Он обвиняет президента в нерешительности и, распалившись, требует «демонстрации силы» в Западном Берлине.

А у микрофона уже новый номер, «трио журналистов»: Хиггинс, Олсон и Сульцбергер. Немного вразброд затянули они старинную песенку «Красная угроза» с припевом:

Вооружение!
Ассигнования!
Мы разобмим весь мир
До основания!

Не прошли незамеченными песенки сенаторов Бриджеса («Настало время сделать энергичный шаг») и Томаса Кучела («Наша политика в отношении свободного Берлина продолжает оставаться неизменной»)... Но особо стоит остановиться на фальшивом и грязеньком выступлении человека, обладающего пусть небольшим, но поставленным на должную административную высоту голосом, — помощника военного министра США Поля Нитце. Время от времени пуская петуха, он пропел о «решимости Запада воевать на таком широком поле сражения и в таких масштабах, какие могут оказаться необходимыми для обеспечения неприкосновенности» Западного Берлина.

В заключение этого короткого обзора программы джаз-банды «Спа-си Бонн», выступающей под управлением Дина Ачесона, следует отметить, что тон всей музыке задавал военный горн. Впрочем, чего можно требовать от композитора герра Штрауса, поставляющего репертуар ансамблю? Остается только пожелать джаз-банде разучить небезызвестную песенку «Мальбрук в поход собрался» и сделать для себя соответствующие творческие выводы. Думаем, что, несмотря на явное отсутствие политического слуха, солисты джаз-банды сумеют запомнить ее несложный лейтмотив.

Ю. ЛИМАНОВ

ЛЮБОВНАЯ

Тревога была объявлена в десять часов двадцать минут утра. Именно в это время Генриетта Петровна схватила со стола пухлый том, чтобы на белой обертке, в которую дочь ее Маша бережно запеленала книжку, записать телефон неотложной помощи: с соседкой на втором этаже случился сердечный приступ, и Генриетта Петровна теперь напряженно ждала своей очереди. Но тут же она заметила, что среди книжных страниц белеет листок в клеточку, и решила, что будет гораздо педагогичнее записать телефон на нем. Генриетта Петровна развернула листок и прочитала: «Я люблю вас... Видеть вас, слышать вас, думать о вас — это для меня высшее счастье! Я хочу совершить много хорошего и доброго во имя любви, которая окрыляет мое сердце!..»

Генриетта Петровна затрепетала: уж этот круглый, почти еще детский почерк она не могла спутать ни с каким другим. Все ясно: любовная записка! И так, началось: ее пятнадцатилетняя дочь, ученица 8-го класса «Г», влюблена!

Но если в первый момент Генриетта Петровна всего-навсего затрепетала, то уже в следующий похолодела с головы до ног: она поняла, что дочь ее влюблена в человека пожилого, быть может, даже в дряхлого старика. Ну, разве станет она называть на «вы» своих школьных друзей-восьмиклассников!

Да, тревога была объявлена... Супруг Генриетты Петровны, как всегда в подобных случаях, «быстрее лани» ретировался в ванную комнату и пустил душ, делая вид, что ничего не слышит. А «сирена семейной тревоги» между тем уже звучала на всю квартиру:

— Кто из твоих приятелей приходит к нам в дом? А? Ну, конечно... Ты специально, нарочно приглашаешь умных, интересных и обаятельных людей!

— А что же мне, дураков, что ли, приглашать? — сквозь закрытую дверь огрызнулся супруг. — Лучше потерла бы спину...

— Я вот тебе шею намылю, а не спину! За чем ты разрешаешь своим приятелям вести интересные и остроумные разговоры? Ты забываешь, что у нас дочь!

— Кого же мне звать в гости?

— Молодых людей, Машиных сверстников...

— Ну, мы с тобой, знаешь ли, будем весьма невыгодно выглядеть на столь юном фоне.

— Прости, но меня всегда принимают за Машину сестру!

— Надеюсь, за старшую? — попытался состроить супруг. И напрасно: Генриетта Петровна зарыдала.

...Машенька прибежала домой необычно веселая и оживленная. «Маскируется! Не хочет меня огорчать!..» — подумала Генриетта Петровна. И решила действовать тонко, исподволь, по всем правилам педагогической науки.

ЗАПИСКА

— Машенька... Кто твоя лучшая подруга?

— Женя Калинкина, — не задумываясь, ответила ученица 8-го класса «Г».

— Ну, а самая... самая лучшая?

Машенька на миг задумалась и уверенно подтвердила:

— Калинкина! А ты думала, кто?

— Я ничего не думала... — глубоко вздохнула Генриетта Петровна. — Ну, а с кем ты можешь быть самой откровенной? Кому первому из всех людей на земле ты открыла бы свою душу?

— Учительнице литературы Антонине Николаевне...

Генриетта Петровна качнулась, но выдержала и этот удар.

— Ну, а меня... меня ты кем считаешь?

— Мамой! — как-то удивительно беззаботно и легко сообразила ответить Маша.

— И только?!

— А кем же еще?

Десятью минутами позже Генриетта Петровна решила изменить тактику и повести наступление с другой стороны. В качестве главной наступательной силы она решила призвать себе на помощь классическую литературу.

— Машенька, ты задумывалась когда-нибудь всерьез над образом Мазепы? — проникновенно глядя в глаза дочери, спросила Генриетта Петровна после обеда.

Выяснилось, что именно над этим образом Маша всерьез не задумывалась.

— А помнишь ли ты, какой возрастной разрыв был между ним и юной Марией? А также о том, к чему этот вопиющий разрыв привел?

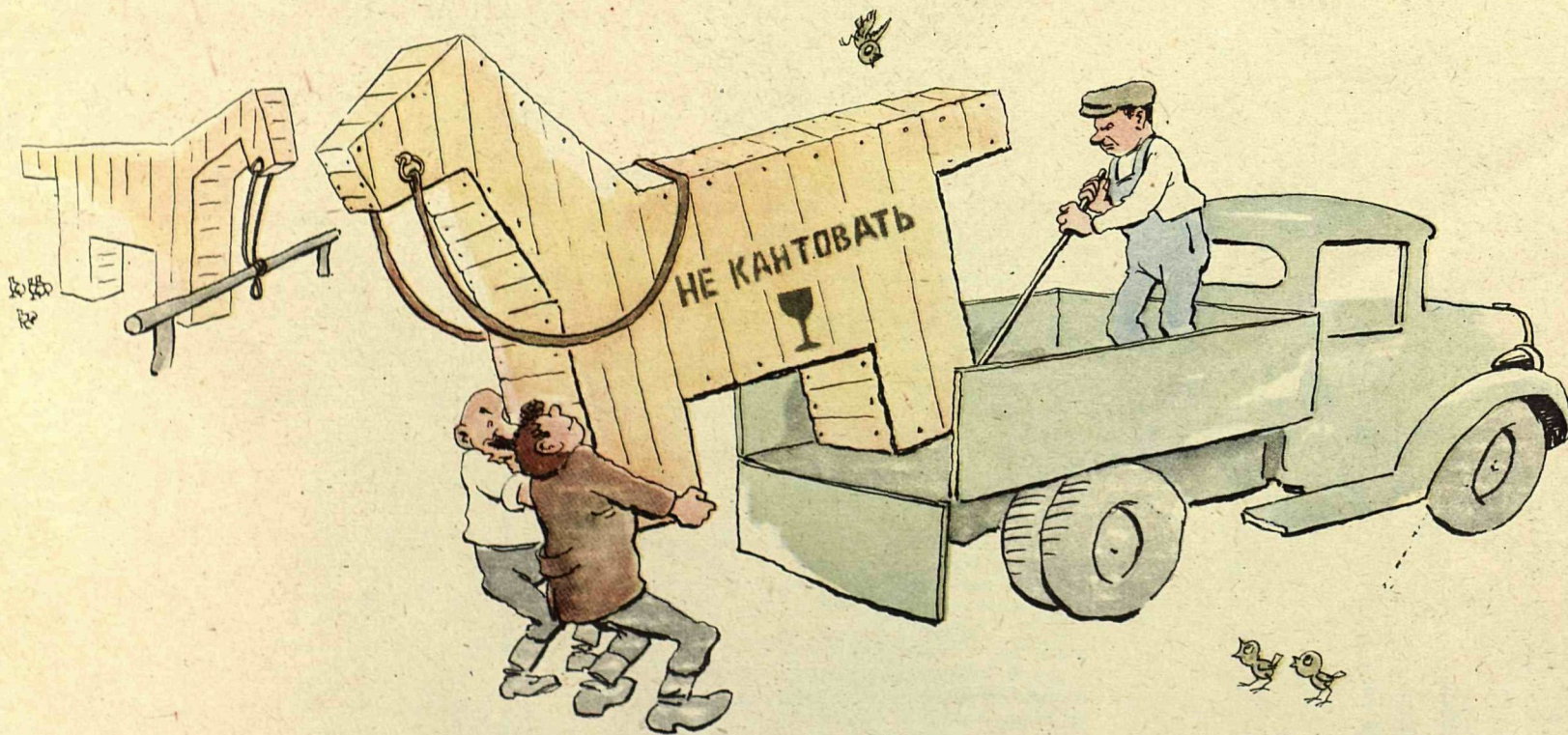
— Нет, не задумывалась...

— Ведь эту самую... Марию в конце концов увезли к Кашенко: она же сошла с ума!

Генриетта Петровна интимно уперлась подбородком в подушку с выцветшими птичками:

— Я сообщу тебе одну тайну... Но не как мать дочери, а так, запросто, как подруга подруге...

Рисунок Е. ГУРОВА

— Запасные части для тракторов привезли!

Маша, несмотря на свои пятнадцать лет, еще любила иногда поиграть в куклы и не утратила еще по-детски острого аппетита к секретам и тайнам. Она сразу прекратила гладить свой нарядно белый ученический передник и села рядом с матерью:

— Тайна? У тебя... тайна?! — Маша, видно, не ожидала от матери каких-либо неожиданных отклонений в сторону романтики.

— Да, у меня... — Генриетта Петровна таинственно огляделась по сторонам, словно боялась, что ее могут подслушать. — Я всю жизнь терпеть не могла старых и лысых мужчин!

Маша на миг вспомнила почему-то о больнице имени Кашенко, куда, по словам ее матери, увезли безумную Марию.

— Но ведь у нас папа... лысый, — оправившись немного, проговорила она.

— Он не лысый! — активно возразила Генриетта Петровна. — Он бреет голову по собственному желанию!

— Ты всегда говорила, что человек поступает «по собственному желанию» не от хорошей жизни!

— Это когда он уходит с работы... Какая ты еще глупая!

Генриетта Петровна не учла, что дочь ее как раз только что вступила в полосу самого обидчивого и самолюбивого возраста. Маша, гордо тряхнув косами, вернулась к своему недоглаженному переднику и так зло плюнула на горячий электрический утюг, что Генриетта Петровна нервно заинтересовалась:

— Ты это на кого?

Потом она долго раздумывала, как бы ей исподволь, окольными путями вновь подобраться к дочери, но выбрала самую что ни на есть прямую, проезжую дорогу:

— Что это ты в последнее время так усиленно наглаживаешься? Для кого?

Маша ничего не ответила.

— Ага!.. Понимаю! — злорадно воскликнула Генриетта Петровна. — Сегодня к нам придет этот самый папин любимец... Игорь Всеволодович!

— Он сегодня будет? — радостно встрепенулась Маша.

«Так, так, так... Кажется, я на верном пути!» — сама себе сказала Генриетта Петровна.

— Да пойми ты: он так интересно рассказывает о космосе и всяких там планетах нарочно... чтобы тебе понравиться!

— А ты попробуй «нарочно» рассказать что-нибудь интересное! — ехидно парировала дочь.

Обессиленная Генриетта Петровна решила пойти в последнюю лобовую атаку.

— Ну, скажи, доченька, умоляю тебя, скажи: ты в кого-нибудь влюблена? Я эту тайну никому не выдам! Ты влюблена?

— Не скажу.

— А Антонине Николаевне скажешь?

— Скажу!

— Почему?

— Потому что она не допытывается, как ты!

— И Женьке Калинкиной скажешь?

— И ей скажу!

...Ночью Генриетте Петровне не спалось. Она нервно перелистывала страницы того самого пухлого тома...

И вдруг она вздрогнула, но не тревожно, а радостно, торжествуя: на 187-й странице сверху Генриетта Петровна прочла: «Я люблю вас... Видеть вас, слышать вас, думать о вас...» Ну, конечно же: ее дочь просто выписала приглашающую цитату, как это советовала ей делать Антонина Николаевна!

«До чего же глупо получилось!» — начала терзаться Генриетта Петровна. Но потом она решила, что в общем-то поступила правильно. Пусть ее беседа с дочерью носит предупредительный, так сказать профилактический, характер. Надо быть бдительной матерью и тонким педагогом!

Вскоре Генриетта Петровна заснула, и ей приснилось, что она получает записку от того самого Игоря Всеволодовича, который «нарочно» рассказывал интересные истории: «Видеть вас, слышать вас, думать о вас — это для меня высшее счастье!»

Генриетта Петровна радостно засмеялась во сне.

— Что с тобой? — легонько толкнул ее супруг.

— Ах, тебе этого не понять! — блаженно прошептала Генриетта Петровна и перевернулась на другой бок.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

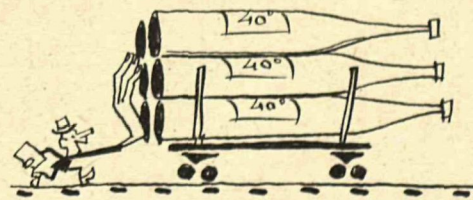
— Батюшки! Где-то пожар!
— Не наводи панику, тетя! Это наше правление смотрит, как идут полевые работы.

А как насчет закуски?

К сведению поклонников Бахуса: в Поназыревском леспромхозе (Костромская область) проходит Всесоюзный семинар работников лесной промышленности. Спешите принять участие!

Практические занятия обеспечивает начальник орс этого леспромхоза А. Попков. Он заказал Галичскому ликерно-водочному заводу вагон водки. Дешеша гласит:

«ОРС Поназыревского ЛПХ просит отгрузить вагон водочных изделий в счет третьего квартала, т. к. при леспромхозе будет проходить Всесоюзный семинар работников лесной промышленности»...

Пусть вас не смущает, что речь идет о работниках лесной промышленности. С точки зрения А. Попкова, лесоруб и алкоголик — одно и то же.

По-видимому, семинар закончится массовой спевкой. Участники семинара, надо полагать, выяснят наконец, зачем же возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра.

Вот только с закуской вопрос пока не решен. А парочку эшелонов с квашеной капустой и огурчиками подбросить тов. Попкову как не мешало бы!

ПОД МАРКОЙ КРИТИКИ

Не будем скрывать: мы болеем за сатиру и юмор. И не только по той причине, что питаем к ним, так сказать, жанровые симпатии. А главным образом потому, что «кавалерия остроум» повседневно и повсеместно помогает людям бороться со старым, которое путается в ногах у нового.

Вот почему нас всегда радует, когда сатирического полку прибывает. Даже если пополнение — еще не полковники, а пока только рядовые.

В частности, нам, как и всем читателям, было весьма приятно узнать, что в узбекском журнале «Звезда Востока» в нынешнем году после многолетнего перерыва появился раздел под милой нашему сердцу рубрикой «Сатира и юмор». Ведь не так уж много толстых журналов решаются на это благородное, но, прямо скажем, хлопотное дело.

Однако сатирическому новобранцу — увы! — не повезло уже с первых шагов. Едва раздел вышел во второй раз (№ 4, 1961 г.), как на него неожиданно-негаданно обрушилась критическая дубинка. Газета «Правда Востока» опубликовала заметку, озаглавленную недвусмысленно: «Халтура под маркой сатиры».

Мы отнюдь не собираемся петь дифирамбов авторам сатирических произведений, напечатанных в «Звезде Востока». Это, очевидно, еще не Гоголи, а также и не Щедрины. Есть у них вещи посильнее, есть и послабее. Взять бы тут «Правду Востока» да и помочь молодым сатирикам конкретной, требовательной, но доброжелательной критикой. Глядишь, и в следующих номерах журнала качество произведений повысилось бы.

Но редакция газеты рассудила иначе. Отпустив парочку кисло-сладких комплиментов маститым сатирикам, анонимный автор рецензии набросился на молодых.

Не дав себе труда внимательно и похозяйски разобрать в материалах раздела, он начал с того, что пренебрежительно перепутал название единственного рассказа: вместо «Живые козыри» — «Живые корни». А далее был пущен в ход небезызвестный стандартный набор уничижительных существительных и прилагательных: «банальный анекдот» и «избитые темки», «беспочвенное брюзжание» и «стертые формы» и, конечно, испытанные «пошлость и халтура».

Выглядит это, например, так:

«Избитые темки, стертые формы безудержно влекут к себе авторов эпиграмм и «коротких басен». Что даст читателю басня Н. Субботина «Опровержение?»

— Что глуп баран, не верю, нет, —
Сказал однажды мне сосед, —
Мой брат устроился не мог,
Повел барана — он помог.

Ничего, кроме досады. По сатирическому уровню это произведение крайне убого. Читатель не склонен принимать сплетню за сатиру».

Почему «сплетня»? Разве мало еще у нас тунеядцев и стяжателей, которые норовят любым способом потеплее «устроиться»? И неужели вывелись уже взяточники?

Или, скажем, так:
«Сколько написано и забыто стихов о плохих поэтах, быть может, таких людей следует высмеивать и дальше. Но именно высмеивать. А автор эпиграмм А. Солдина ворчливо высказывается:

— Ну что ж, читал я ваш стишок,
Сюжет нашел вонец избитым,
А этот, батенька, грешок
Прощают только знаменитым...

Беспочвенное брюзжание вместо умной, целенаправленной критики отрицательных явлений в нашей жизни!

А так ли уж на самом деле «беспочвенна» эта эпиграмма, высмеивающая, кстати сказать, не плохих поэтов, а малопринципиальных критиков? Не опровергает ли сама рецензия утверждение ее автора о беспочвенности эпиграммы?

Так «Халтура под маркой сатиры» на поверку оказалась дубинкой под маркой критики. И это, говоря словами рецензента, не может вызвать «ничего, кроме досады».

Я. Д.

Среди муз и грации

КОММЕРЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Уважаемые товарищи! Позвольте пригласить вас на выставку, экспонаты которой представляют собой значительные достижения в области изобразительного искусства и являются образцами нового течения в живописи, так называемого коммерческого реализма.

Новый метод, разработанный творцами этой школы, освобождает художников от многих трудоемких и докучных операций, упрощает и ускоряет их труд. Теперь художнику не нужно вступать в сложные взаимоотношения с капризными музами. Ему незачем с посохом в руке, с мольбертом за спиной бродить по бесконечным дорогам великой Руси в поисках интересных типажей. Новый творческий метод вполне отвечает духу атомного века и дает возможность мастеру кисти работать с почти звуковыми скоростями, причудает его использовать в своей деятельности малую механизацию и автоматизацию.

Для того, чтобы лучше познакомить посетителей с процессом творчества художника, экскурсоводы обычно начинают рассказ о картине с анализа эскизов и набросков. Позвольте и нам поступить так же. Однако вместо эскизов и набросков у нас представлен совершенно иной материал.

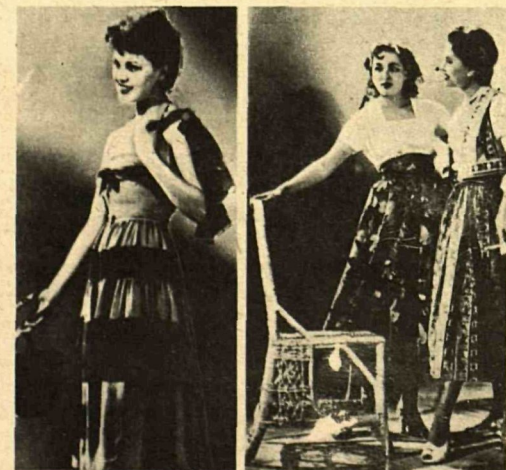
Голова старого воина из Джайпура — репродукция с картины художника Климашина, помещенная в журнале «Огонек» № 38 за 1957 год.

Индиец в красной чалме с поднятыми руками. Это фото было опубликовано в журнале «Советский Союз» № 9 за 1957 год.

«Огонек» № 15 за 1960 год. Снимок изображает красивого, мужественного джигита в черкесске, играющего на национальном музыкальном инструменте.

К ЛЕТУ

Приятная девушка в элегантном платье. Тот же журнал № 6 за тот же год, страница «Моды к лету».

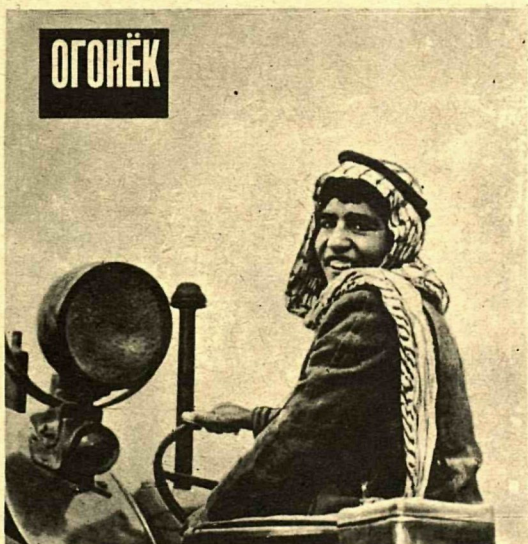
Кусочек картины художницы Коротковой «На фестивале». Девушка в задумчивой позе с палитрой на коленях. Тоже «Огонек».

Девушка, смотрящая вдаль. Репродукция с картины В. Прибыловского «В новую жизнь».

Снова девушка, но уже из картины Каневского «Дети».

И, наконец, снова из «Огонька» — колоритный, широко улыбающийся сириец-феллах за рулем трактора.

На первый, непросвещенный взгляд все эти картинки никакой связи между собой не имеют. Глубокое заблуждение, товарищи зрители! В опытных, умелых руках представителей школы коммерческого реализма, вооруженных острыми ножницами, все они легко превращаются в оригинальное, цельное произведение живописи. Мы не в состоянии целиком воспроизвести монументальную картину ростовского художника Бориса Яковлевича Тальковского на тему о мире и потому приведем хотя бы фрагмент, представляющий правую сторону этой картины. Вы видите, как чудесно здесь соединились все фигуры, о которых мы говорили выше?

Но это не так просто, как кажется. Смотрите, какую колоссальную творческую работу проделал Борис Яковлевич!

Не мог же индеец в красной чалме прийти в картину Тальковского с пустыми руками. И художник щедро втиснул в руки своего персонажа огромный букет цветов. Правда, букеты так никто не держит, но не будем придираться.

С девушкой в вечернем туалете пришлось поступить несколько жестоко. Строгий, но справедливый художник решил, что легкомысленная сумочка не соответствует торжественности момента, и сумка была ампутирована вместе с рукой. Не исключена возможность, что руку с сумкой Тальковский использовал в другом своем произведении. Таков принцип коммерческого реализма.

Видимо, из уважения к почтенным сединам воина из Джайпура художник вклеил его в свою картину целиком и даже облачил в белоснежную рубашку.

С молодежью Борис Яковлевич обращается без церемоний. Его грозные ножницы с хирургической точностью отсекали музыкальный инструмент от веселого джигита.

Девушка с картины Коротковой отделилась дешево: у нее художник всего лишь отобрал книгу.

Зато гораздо сильнее пострадал смеющийся феллах, которого безжалостно ссадили с трактора.

Поверьте нам на слово, что все остальные фигуры картины Тальковского созданы тем же творческим методом.

Это полотно, как глубоко оригинальное произведение, было оценено достаточно высоко. За него автор получил 10 тысяч рублей (в старых деньгах). Сумма эта не кажется нам чрезмерной, если учесть расходы на клей, точку ножниц, холст и вредность производства. Не так уж приятно рыться в пыльных комплектах журналов...

Борис Яковлевич Тальковский — скромный труженик на ниве коммерческого реализма. Зато другой представитель этого направления, Виктор Григорьевич Лень, принес с собой авторитет бывшего председателя, ныне члена правления Ростовского отделения Союза художников.

Масштабному не пристало повторять зады, и Виктор Григорьевич внес новую струю в коммерческий реализм. Он еще больше упростил процесс творческого созидания, о чем ярко говорит его шедевр под названием «Атомный век, или Покорение космоса».

Виктор Григорьевич взял картину художника Соколова «Земля восходит над Луной», репродукция с которой была напечатана на цветной вкладке в журнале «Искусство» № 12 за 1959 год, запустил в верхнюю часть картины ракету и подписал своим именем.

Ракета вполне успешно вышла на орбиту, принесла художнику 8 тысяч рублей.

Увлекаясь космическими темами, Виктор Григорьевич Лень не забывает и о земных темах. Это разносторонний художник с широчайшим диапазоном.

Вот пример того, как проявляется его талант на практике. Перед нами целая серия портретов одного и того же человека в одной и той же позе. По-вашему, это репродукции одной и той же картины? Ни-

чего подобного! Каждая из них — совершенно самостоятельное оригинальное произведение, носящее свое, неповторимое название: «А. М. Горький», «М. Горький», «Горький на Волге», «Горький» просто и т. д.

По имеющимся у нас сведениям, Виктор Григорьевич намерен продолжить работу над этой серией, хотя у него и назревает кризис названий. Хотим подсказать еще несколько: «Максимишч в задумчивости», «Пешков на отдыхе», «Горький обдумывает статью против халтурщиков»... Поскольку за каждого Горького Лень получил примерно по 8 тысяч рублей, вряд ли можно ожидать, что он бросит такую золотоносную жилу, не выудив оттуда весь драгоценный металл до последней крошки.

Данными экспонатами далеко не исчерпывается перечень шедевров коммерческого реализма. Будь немного больше места — и нашу выставку могло бы украсить полотно того же неутомимого труженика В. Я. Тальковского «1905 год», созданное из фигур, целиком или частями извлеченных из чужих произведений.

Значительно обогатил и развил метод коммерческого реализма Арсентий Матвеевич Чернышев. Он делает свое важное дело просто, как и все гении. Берется цветная фотография из «Огонька» — в саду на скамеечке мирно беседуют два человека. Арсентий Матвеевич приклеивает собеседникам другие лица — и произведение искусства на актуальную тему готово. Можно получать маду.

Вот все, что мы могли сказать в рамках регламента о методе коммерческого реализма и его создателях. В заключение хотим поздравить руководителей Ростовского отделения Союза художников РСФСР, выпестовавших столь могучие и оригинальные таланты.

Экскурсоводы Е. ЦУГУЛИЕВА
и З. ЮРЬЕВ

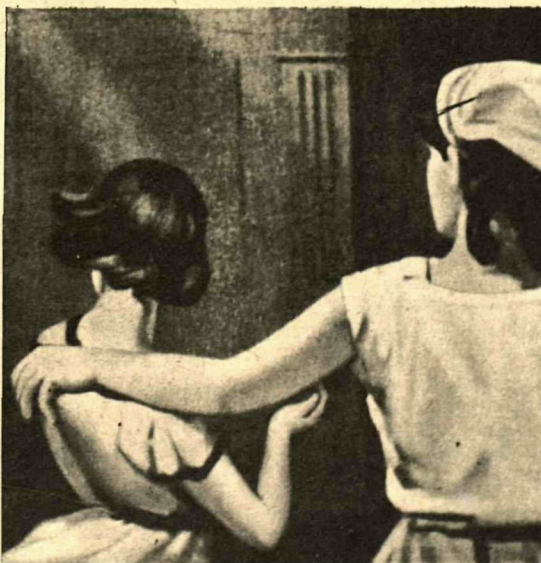

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Хотя бы скорее проснулся, я бы ему выговор закатил.

Что нового в сатирическом цехе

АЛЬБОМ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ заслуженного деятеля искусств И. Семенова вышел в серии «Мастера карикатуры». Листайте, смотрите и улыбайтесь.

«ХОЛОДНО В СИБИРИ ИЛИ НЕТ?» — спрашивает Н. Грибачев. Ответ — в одноименной книжке, пополнившей «Библиотеку Крокодила».

«ГРОССМЕЙСТЕР АФЕРИЗМА» по всей форме представлен в крокодильской «Библиотеке» М. Ланским.

«НЕОЖИДАННЫЙ ЗАКАЗ» на обновление иконы получил студент художественного института Леонид Простанов. Как он вышел из положения, можно узнать в книге сатирических рассказов П. Саворенко, выпущенной издательством «Брянский рабочий».

«ВОТ ТАКИЕ ДЕЛА!» — сказал «Перцу» украинский поэт-сатирик П. Слипчук. И «Перец» включил его книжку в свою «Библиотеку».

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ поэтов Кировской области Л. Дьяконова, В. Заболотского, Е. Замятина, О. Любовикова, В. Мамаева, Ю. Немирова, В. Тутинцева повествуют об «Иждивенце», «Дитятне», «Женихах на прогулке» и прочих тунелдях. Сборник вышел в Кировском областном издательстве.

«С БРЕЮЩЕГО ПОЛЕТА» решила разить всякие неполадки и неполадки большая группа рижских сатириков, пишущих на русском языке. Замысел приведен в исполнение при помощи Латгосиздата.

«ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ» подали всякие пережитки прошлого в фельетонах А. Каххара. Книга его произведений выпущена Гослитиздатом Узбекской ССР.

Он тоже хочет пить...

Какой, по вашему мнению, самый вредный зверь на свете? Муха! Не верите? Зайдите в детскую консультацию Нахимовского района г. Севастополя, и там вам дадут подробную консультацию. Выполнена она в виде красочного плаката и сочинена в порядке самодетельности самими работниками детского учреждения.

Плакат занимает всю стену:

«Мухи нет вреднее зверя,
Это, мама, твердо знай,
Переносчиков заразы
До одной уничтожай!»

Видимо, о повышенной смертности мушиного поголовья мамам в данном случае беспокоиться не надо: от такого плаката мухи сами дохнут. А вот мамам становится дурно от последующих строк:

«Руки, мама, мой почаще
И запомни, милый друг,
Что понос не что иное,
Что болезнь грязных рук».

Далее следует такой рецепт:

«Не забудь, мамаша, летом
Чаще крошку попить,
Хоть малютка не попросит,
Но он тоже хочет пить».

«Какое счастье, — думают мамы, — что мой малютка еще не умеет читать!»

А. АСАЕВ

г. Севастополь.

ПЬЯНАЯ ФИЛАРМОНИЯ

Вот какая запись обнаружена в книге дежурных дружинников по г. Гуляйполю от 11 июня 1961 года:

«События с филармонией.

Филармония с г. Запорожья приехала в нетрезвом состоянии.

Были приняты меры для успокоения».

Копию снял М. СУХОБОК.

Запорожская обл.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Прошу на первый раз меня не наказывать материально и не лишать разряда — я и так обижен судьбой, — а в качестве поощрения дать мне строгий выговор. Если же я напысь еще раз, то тогда гоните меня в три шеи».

(Из выступления в товарищеском суде.)

«Он меня не раз предупреждал, что если я еще буду подглядывать в замочную скважину, то лишусь глаза или получу тяжелую травму. Однако, слава богу, за 5 лет ничего не приключилось. Из-за этого он рассердился и подал на меня в суд».

(Из объяснительной записки в суд.)

Записал И. ЧЕРНОШТАНОВ.
Оренбургская обл.

«На общественной работе у товарища Д. выросло лицо».

«Ну, с этим товарищем мы покончили. Переходим к следующему».

(Из выступлений на собрании.)

Записал Ю. БАЛОД.

«Здравствуйте, дорогие товарищи журналисты, наши непримиримые друзья!»

(Из письма в редакцию.)

«В адрес моей семейной жизни соседи угрожали стихийными бедствиями».

(Из заявления в суд.)

С. ИЛЬСОВА

г. Свердловск.

Рисунок М. УШАЦА

РАЗЛУКА БЕЗ ПЕЧАЛИ

— А сдвижные столы у вас есть?

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Доктор, мне нужна путевка на юг. Посмотрите мой снимок — одни кости!

Поиграв часок-другой во дворе, невинное дитя возвращается домой. В его глазах светится жажда познания. «Папа-мама, — спрашивает дитя с живейшим интересом, — а что значит...?» И с невинных детских уст непринужденно слетает нечто такое, от чего, как говорят, даже лошади шарахаются.

— Никогда больше не повторяй таких слов! — восклицают в ужасе родители. — Это очень гадкие слова! От кого ты их слышал?

Ну, ясно же, от кого: это опять колобродил во дворе Василий Сергеевич Лепилин — выписывал ногами крендели, приставал к взрослым жильцам дома и попутно давал урок «многоэтажной словесности» юному поколению.

И вот гражданин Лепилин стоит у всех на виду в большом клубном зале. А с эстрады, где участники художественной самодеятельности частенько декламируют лирические стихи, звучит сегодня самая что ни на есть суровая проза:

— Дело о выселении из Москвы... Антиобщественный, паразитический образ жизни...

Это о нем, о Лепилине. Народный суд Свердловского района города Москвы на своей выездной сессии решает сегодня дальнейшую судьбу тунеядца...

— Объясните суду, Лепилин, почему не работаете?

Гм! Почему не работает... Да, видите ли, такая уж у него незадачливая специальность: шлифовщик по металлу. Правда, оплачивается эта работа подходяще: 100—120 рублей в месяц. Но...

Народный судья Анатолий Федорович Щукин понимающе кивает головой:

— Ясно. Скажите, Лепилин, на какие же средства вы живете?

— На папашины.

— Что же, ваш отец — пенсионер или еще работает?

— Работает. На кондитерской фабрике.

— Сколько же ему лет?

— Папаше-то? Семьдесят три года.

Сам отец тоже здесь. Маленький, сухонький старичок ростом по плечо своему 44-летнему иждивенцу. Каково-то ему слушать и этот допрос и показания свидетелей, которые аттестуют его сына как закоренелого тунеядца и пьяницу!

— Ну, что же нам с вами делать, Лепилин? — говорит судья.

Гражданин Лепилин мрачнеет. И с совсем уже постным выражением лица он выслушивает приговор, который является окончательным и обжалованию не подлежит: выселить из Москвы в специально отведенные местности, с обязательным привлечением к труду. Сроком на четыре года.

...Место, где только что стоял перед судом Лепилин, занимает черный, как жук, парень в клетчатой ковбойке. Это Владимир Обжерин. Ему тридцать лет. Он имеет семиклассное образование, комнату на одной из красивейших магистралей Москвы — улице Горького — и живет жизнью пещерного человека. Впрочем, извиняемся перед нашим далеким предком: пещерный человек не хлестал водку и тройной одеколон, не превращал свою пещерно-спальную являплощадь в уборную и не делал многого другого, что вытворяет сей субъект.

Второй раз за этот вечер звучит в зале суда прямой вопрос:

— Почему не работаете?

— Не беру! — сокрушенно разводит руками Обжерин. — У меня документы испортились.

Довольно быстро выясняется, что документы не такой уж скорпортнящийся продукт. Перед сидящими в зале проходят «дела и дни» тунеядца: кратковременные редкие гастроли на разных предприятиях, неизменные увольнения за прогулы и прочее — вплоть до арестов за мелкое хулиганство.

На какие средства он живет? На 40-рублевую пенсию матери. На подачки собутыльников. Непонятно, на что еще.

— Послушайте, Обжерин, — говорит судья. — Вот свидетели показывали, что вы в пьяном виде иногда валяетесь нагишом в коридоре общей квартиры. Неужели вам не стыдно перед соседями?

Личность в ковбойке высокомерно усмехается:

— А я их и замечать не желаю.

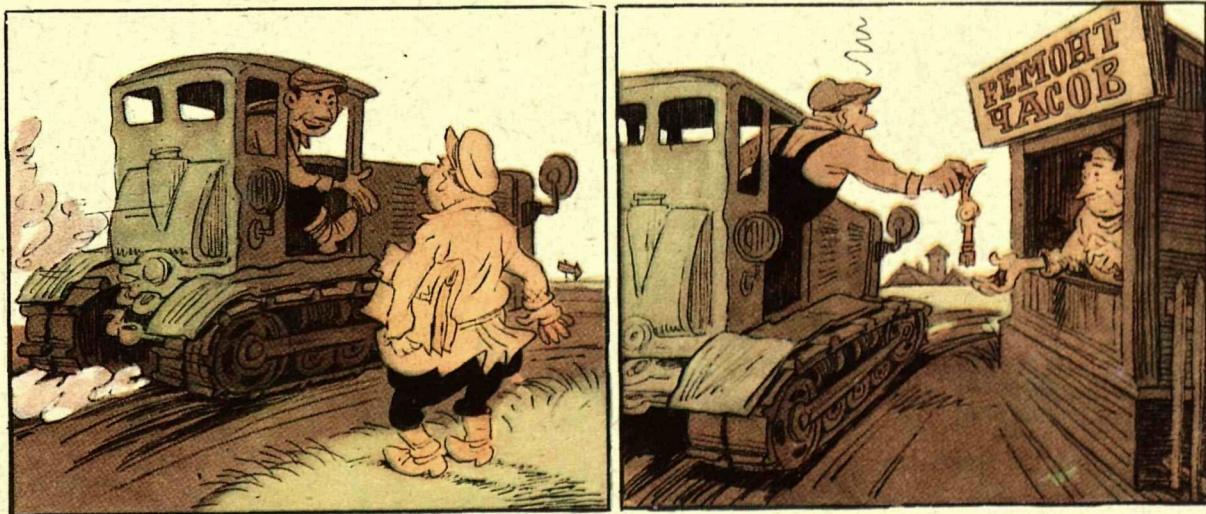
«Да-а, вот это фрукт!» — приглушенно проносится рядам. «Почти первого!» «Ладно уж, оба хороши!»

...Суд удаляется на совещание.

А потом удаляется Владимир Обжерин — вслед за своим предшественником, на тот же срок, на 4 года. И вежливый милиционер у двери делает рукой пригластительный, вернее, препроводительный жест: пожалуйста!

М. ЛЬВОВ

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Куда путь держишь?
— В ремонт.

Мимоходом

— К рюмочкам, небось прикасаетесь?

— Что вы! Никаких рюмочек!.. Кружкой пользуюсь...

Вернувшись с лекции, лектор-антирелигиозник жены дома не застал: она была еще в церкви.

И в бесхозяйственном учреждении есть своя хозяйка.

— Жил-был у бабушки серенький козлик...

— Жить-то жил... знаем... А как было с кормами?

Директору кинотеатра повторного фильма снился кинотеатр неповторимого фильма.

Пьяница благополучно избежал штрафа: доказал, что шумел камыш, а не он.

Л. МИТНИЦКИЯ

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00294. Изд. № 1021. Подписано к печати 19/VII 1961 г. Формат бум. 70x108/16. Заказ № 1872. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12

28 ИЮЛ 1961

25488 п

Всесоюзная
Книжная палата
контроль. экзempl.
1961 г.

Самый широкий экран.

Возвращение ФЕСТИВАЛЯ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Джина Лоллобриджида
осматривает Москву.

Пурш: — Пропустите! Она со мной!

Не вынесла душа поэта...